

18 Алексей Супруненко

Начало

Алексей Супруненко

Начало

«Издательские решения»

Супруненко А.

Начало / А. Супруненко — «Издательские решения»,

Без всякого предупреждения он бросил ее в сторону пулеметного гнезда. Земля немного вздрогнула. И следом второй взрыв. Видать, кроме Леонида были и другие метатели «лимонок». Теперь он поднялся и побежал, догоняя вырвавшихся вперед товарищей. Какие-то фигурки закопошились впереди. Выстрел...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Начало

Алексей Супруненко

© Алексей Супруненко, 2026

ISBN 978-5-0071-3065-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Леонид Головин, вместе с товарищами по роте, оккупировали курилку, чтобы в выделенное время на отдых, успеть выкурить сигарету. Сегодня их ротный гонял по плацу, который час подряд. А все потому-что, по сигналу подъем, встали вяло, зарядку сделали кабы как, и строй в столовую больше смахивал на колонну военнопленных, чем на солдат 184 стрелковой дивизии 29 Литовского территориального стрелкового корпуса. Но на это были свои причины. Основная масса солдат совсем недавно вернулась в казармы со строек на границе с Восточной Пруссией. Прибалтийский военный округ усиливал свои позиции, воздвигая новые фортификационные сооружения. Понятное дело, что на строительных площадках не было времени на занятия строевой подготовкой, и такие понятные для армии вещи, как движение строем, соблюдались формально. Рыть котлованы и заливать бетон, вот была главная на тот момент задача. Вся боевая подготовка сводилась к изучению кирок и лопат, и приемам их правильного применения. Полугодовой пробел в военной подготовке надо было ускоренными темпами восполнять. В части ходили упорные слухи, что дивизию, из капитальных казарм уютного городка Лентварисе, находящегося всего в 18 километров от Вильнюса, переведут в летние лагеря для доукомплектования и ускоренной подготовки. Леониду не очень этого хотелось, так как он сам был родом из Вильнюса, и там, в данный момент, проживали его родители. Кроме этого, в городе оставалась и его первая любовь Агнешка Ковальская. Девушка из польской семьи. Впрочем, чему удивляться, если совсем недавно Вильнюс был польским городом. Находясь поблизости от дома, он имел возможность встретиться с дорогими для него людьми. В летних лагерях такой возможности уже не будет. Командир взвода готовил списки личного состава на увольнение в город. Леонид хотел туда добавить и свою фамилию, но не факт, что обозленный на подчиненных командир роты старший лейтенант Каститис Армонайте, вообще кого-нибудь отпустит в увольнение. А тут еще, как назло, у него вышел конфликт с младшим политруком Савичевым. С работниками политического органа у него вообще как-то не складывались отношения. Сам по себе Лёнька был выходцем из семьи рабочих, то есть пролетарий. Русский по национальности, пролетарий по происхождению, да еще и доброволец. Казалось бы, лучше биографии не придумать. Сам записался в Литовский корпус еще в конце августа 1940. Но нет же, не приглянулся он тогдашнему политруку Желайтису. Может, из-за того, что не совсем понимал по-литовски, а может, просто потому-что Желайтис до прихода в Литву Советской власти, служил в армии и имел офицерский чин. Тут в корпусе было очень много таких военнослужащих, которые согласно изменившейся конъюнктуре, быстро сменили национальный флаг на красное знамя. Вечно он придирался к Головину и, с его подачи, Леонида отправили на строительные работы. Когда Лёнька вернулся в часть, Желайтиса уже не было. В 1940 многих политработников из числа «бывших» убрали из армии. Затем прислали новых. Ситуация не улучшилась. Если тогда Лёнька и еще с десятков русскоязычных парней, плохо понимали, чего от них хотят, то теперь литовцы оказались в таком же положении. К новому политруку приставили переводчика и теперь парни ласково называли переводчика малым политруком, а Савичева большим. Леонид как-то неосторожно пошутил в курилке насчет большого политрука, а кто-то тому донес. Вот и невзлюбил его Савичев. А тут дернул же черт Лёньку за язык, выразить недовольство по поводу пищи в солдатской столовой. Капуста квашеная на завтрак, обед, ужин. Начпрод, толстая рожа, проворовался, и теперь солдаты страдали из-за этого жулика. Почему, так произошло с кормежкой, им не рассказывали, но солдаты все сами додумали. Савичев в этом увидел чуть ли не покушение на устои Советской власти. Получалось, что на временных трудностях, Головин спекулирует и очерняет военное руководство дивизии. Тут если дать ход делу, то статья 58-я светила. В тот момент НКВД активно подчищала весь бур-

жуазный элемент в республике. Комбат, хода делу не дал, а с питанием все наладилось. Теперь Леонид следил за своим языком, а Савичев взял парня, что говориться «на карандаш».

Докурили сигареты и снова на плац. Гонял их ротный до самого обеда. Потом о них словно забыли и никто из офицеров в учебный класс не пришел. Парни, сидя за партами, тихо разговаривали, кто-то просто дремал, подложив под щеку устав. Леонид, с грустью в глазах, уставился в окно на зеленые тополя, росшие возле забора, опоясывающего их военный городок.

— Чего загрустил? — подсел к нему заместитель командир взвода Йонас Буткевичус. Говорил мужчина с явным акцентом, но хотя бы понятно, а не как Жемайтис, который и не старался с русскими и белорусами находить общий язык.

— Домой хочу. Слышал о летних лагерях? — поделился своими печальми Головин.

— Конечно, слышал, — подтвердил Йонас.

— Когда, я тогда увижу свою Агнешку? Она сейчас совсем рядом. Сел на автобус и уже в Вильнюсе, — мечтательно продолжил Лёнька.

— Так может, тебя в увольнение записать? — предложил зам комвзвода.

— Ты думаешь, Армонайте нас отпустит? Вон он, как закусился. На плацу и сапоги сгорят.

— Он отходчивый, — не был Буткевичус плохого мнения о своем командире.

— Так «большой» политрук не отпустит. Он, как только мою фамилию в твоём списке увидит, то сразу ее и вычеркнет, — не тешил себя надеждой Головин.

— Я ее сразу писать не стану, а допишу после визы Савичева, — предложил сержант.

— Тебе влететь за это может. «Большому» ведь доложат, кто в увольнение ходил.

— Так можно ведь и без его визы, а напрямую через ротного все решить — озвучил и другой вариант решения вопроса товарищ.

— Ну, да! Где ротный и где я? Он меня и слушать не станет, — не верил в удачу Леонид.

— А если, я похлопочу? — предложил свои услуги Йонас.

— А тебе с этого, какой интерес? — не верил солдат в такой альтруизм. Литовец врать и не стал.

— Часики мне твои приглянулись. Давай договоримся. Я тебе оформляю увольнительную, а ты мне часы? Идет? — сделал Йонас такое коммерческое предложение. Головин с жалостью посмотрел на циферблат своих наручных часов. Это была его первая самостоятельная покупка, сделанная им, когда он еще работал на заводе, принадлежащему польскому магнату. Парень так ими дорожил. Что важнее, часы или встреча с любимой? Если бы не эта обстановка вокруг, то он бы не спешил делать подобный обмен. Но все, кроме центральных газет, говорило о том, что на страну надвигается война. И как скоро она случится, никто не знал. Может, завтра, а может, через год?

— Я согласен, — вздохнув, ответил Леонид.

В пятницу на тумбочке дневального лежал утвержденный политруком список увольняемых в город военнослужащих. Фамилии Головина в нем не было.

— Что, не получилось? — спросил Лёнька у заместителя командира комвзвода.

— Ты готовь форму и часики. У меня в ротной канцелярии сидит знакомый писарь. Ты не переживай, увольнительную я тебе достану, — уверенно заявил Йонас.

С тайной надеждой в душе Головин готовил свой парадный мундир. Если кто-нибудь спрашивал, куда он собрался, то отвечал, что просто решил привести обмундирование в порядок. Характерной особенностью их корпуса было то, что они ходили в форме литовской армии, но вместо погон носили петлицы и соответствующие форме РККА шевроны и нарукавные нашивки. Да еще в головной убор добавилась звездочка. Советская страна еще не могла в полной мере обеспечить свою армию всем необходимым, поэтому приходилось использовать наработки прежних режимов. Леонид пристроился к строю солдат идущих в увольнение перед

входом в казарму, чтобы его не заметил политрук. Буткевичус сунул ему увольнительную и вопросительно посмотрел на часы.

— Когда вернусь, тогда и отдам, — решил перестраховаться Лёнька.

Через КПП прошел без всяких проблем. И теперь парень спешил на автостанцию, чтобы занять место в автобусе, который направлялся в Вильнюс. Денек выдался прекрасный. На календаре суббота 14 июня 1941 года. Первым делом зашел к родителям. За тарелкой супа, заботливо налитой матерью, рассказал о своей трудовой деятельности на границе с Пруссией. Успел даже подискутировать с отцом по поводу надвигающейся войны. Батя, будучи простым рабочим, поддерживал коммунистические идеи и регулярно читал газету «Правда», рупор партии ВКП (б). А пресса говорила о том, что нельзя поддаваться на провокации. Вот только лозунги одно, а жизнь другое. Прибалтийский военный округ готовился к вооруженному конфликту и его близость незримо чувствовалась во всем. Воздух был словно наэлектризован. Возможность скорой войны обсуждали везде, в автобусах, общественных местах и простых скоплениях народа. При появлении милиционеров люди замолкали, чтобы их чего доброго не обвинили в паникерстве. С Агнешкой Лёня на эту тему не беседовал. Они просто гуляли по старинному городу, наслаждаясь, общением друг с другом, пением птиц, шумом ветра и просто, самой жизнью. Уже в подъезде дома, в котором проживала семья Ковальских, Леонид позволил себе небывалую вольность и, обняв девушку, страстно поцеловал ее в губы. Отпрянув от Агнешки, он ожидал услышать возгласы негодования, но девушка, обескураженная такой инициативой парня, пребывала в замешательстве, размышляя, как отреагировать на такой поступок. Размышления длились недолго. Полька обхватила его шею руками и теперь сама приникла к губам парня. За такое проявление чувств не жалко было отдать и свои часы. Они познакомились совершенно случайно. Агнешку, из-за ее польских корней, прижали в подворотне какие-то хулиганы. После передачи Вильно советскими властями в юрисдикцию Литвы, довольно часто происходили случаи, когда угнетенные шляхтой слои общества, пытались поквитаться со своими бывшими хозяевами. Головин вступился за девушку и проводил ее домой. Родители его новой знакомой, слыли людьми образованными и даже после того, как власть поменялась, продолжали работать в государственном учреждении. Специалистов всегда не хватало, и разбрасываться кадрами было непозволительно. Отец не приветствовал такое мимолетное увлечение дочери. Ковальские дали Агнешке образование и рассчитывали на то, что свою судьбу она свяжет с достойным молодым человеком, желательно из их круга общения, но ни как не с сыном рабочего. Лёнька несколько раз был в гостях у Ковальских и чувствовал себя там достаточно неуютно. Войцех Ковальский, отец его возлюбленной, старался во всем показать свое превосходство и указать парню, что его образованная дочь явно не пара простому работяге. Когда Головин пошел в армию, то Войцех вообще перестал маскировать свое пренебрежение, считая службу в РККА каким-то социальным дном. Поляк ратовал за Великую Польшу и недолюбливал литовцев, не говоря уже о русских и белорусах. В его словах чувствовалось негативное отношение к Советской власти. Если говорить словами политрука Савичева, то это был классовый враг. Но, не станет же Леонид доносить на своего возможного тестя? Они с Агнешкой любили друг друга, а с родителями как-то придется мириться. Лёнькины отец с матерью, тоже были не в восторге от его выбора. Они хотели иметь невестку попроще, а не из семьи шляхтичей, которых так ненавидели за их высокомерие. Агнешка, выслушав, как трудно парню досталась эта увольнительная, обещала сама приехать в Лентварисе на следующие выходные, чтобы пообщаться с любимым хотя бы через забор. Когда на площадке второго этажа щелкнул замок открываемой двери, полячка чмокнула Лёньку в щечку и, вырвавшись из его объятий, упорхнула наверх. Он дождался, когда стихнет стук ее каблучков на лестнице, и поспешил покинуть подъезд, чтобы вернуться в часть.

Едва он пересек линию КПП, как попался на глаза «большому» политруку.

— Ты откуда? — поинтересовался Савичев.

Что тут скажешь? Красноармеец напряженно думал, что ему соврать.

— Из увольнения, — пришлось признаваться Головину.

— Я вроде твоей фамилии в списках не видел? — задумался политический работник. — Давай-ка, зайди ко мне, — приказал Савичев.

Случилось то, чего так боялся Головин. «Если начнет выспрашивать, что, да как, то надо будет что-то соврать. Не станет же он топить заместителя командира взвода и ротного писаря».

— Товарищ младший политрук, увольнительную мне подписал лично старший лейтенант Армонайте, — соврал Леонид, в надежде, что Савичев не станет уточнять такие детали у командира роты.

— Армонайте? — немного рассеянно переспросил работник политического отдела. — Забудь об Армонайте. Его и еще нескольких командиров сегодня арестовало НКВД, — огоршил он рядового такой новостью.

— За что? — изумился Головин.

— Антисоветская пропаганда, — кратко сообщил старший по званию, не вдаваясь в подробности. Леонид облегченно выдохнул.

«Был ли в чем-то виноват товарищ Каститис, он не знал, но особой жалости к своему командиру Лёнька не испытывал. Старший лейтенант частенько придирался к подчиненным и относился к ним с каким-то пренебрежением. Поговаривали, что Армонайте был из дворян. Этим все и сказано. А последняя их строевая подготовка? Многие тогда ему пожелали всякого, разного. Не думал он, что все так быстро исполнится. Теперь с увольнительной все будет шито-крыто». Савичев присел за стол и достал из ящика какую-то папку. Открыл ее и пристально посмотрел на стоящего по стойке смирно красноармейца.

— Ты ведь Головин из пролетариев? По национальности русский.

— Так точно. Родители работают на заводе. И я там слесарем работал, до того как добровольно пойти в армию.

— Доброволец значит? Это хорошо. А вот скажи мне Головин, этот ваш командир роты может какие-нибудь разговоры подозрительные вел? Обсуждал действия партии и правительства? Может, недовольства высказывал? — спросил политрук.

— Со мной подобных бесед не вел, — отчеканил Леонид.

— А с кем вел? Были у него свои любимчики? С кем-то же он общался?

— С бойцами разговаривал. Только я ведь по-литовски не понимаю. О чем беседовали, знать не могу.

— А к тебе, как относился? Я в том плане, что ты из рабочей семьи и национальность у тебя не литовская. Обижал или придирался? — не отставал от красноармейца работник политического отдела.

— Было дело, — не стал Лёнька врать. — Так все вроде как по уставу. А в чем его конкретно обвиняют?

— В чем конкретно, органы не сказали. Да и зачем это тебе? Ты, как сознательный боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии должен сам понимать свою ответственность перед страной. Слишком много буржуазных националистов затесалось в наши ряды. Все они маскируются под добропорядочных граждан, а сами желают реанимации капиталистического строя, где во главе угла стоит угнетение рабочих и крестьян. Таких парней, как ты, которым Советская власть дала свободу и помогает крепко встать на ноги. Националисты осели и в наших рядах. Они только и ждут момента, чтобы всадить штык в нашу спину, и переметнуться на сторону врага. Мы должны вычистить подобных элементов из нашей среды. Для этого необходимо быть особенно бдительным, учитывая текущую обстановку. Меньше болтать языком, — он явно намекал на тот случай со столовой. — Распространяя заведомо ложные слухи о положении в армии и стране. Ты, я так понимаю, не комсомолец?

— На заводе в комсомол вступить не успел, а тут такой организации нет, — попытался оправдаться Головин.

— Вот и плохо, что нет. Партия поставила меня сюда, чтобы внимательно присматриваться к действиям командиров и помогать им, принимать правильные решения. Воспитывать личный состав в духе последних требований. Командиры отвечают за боевую подготовку, а мы за политическую. Если они опираются на поддержку командиров взводов, отделений и просто сержантский состав, то политработники должны опираться на наиболее сознательных красноармейцев. Ты, по своим параметрам как раз нам и подходишь.

— Чего делать-то надо? — по-простому спросил Леонид.

— Присматриваться к своим сослуживцам. Может, кто ратует за прошлую власть, клеветает на социалистический строй, призывает к национальной дискриминации или ведет подрывные разговоры. Ты слушай, запоминай, а потом докладывай мне обо всем, — вербовал Савичев Лёньку в свои осведомители.

— Так, я по-литовски не понимаю, а кругом сплошные литовцы, — развел руками красноармеец.

— И я не понимаю. Не могу же я сам ходить по всем углам со своим переводчиком? — разозлился политрук. — Ты, что не хочешь мне помочь? Или считаешь, что борьба с идейными врагами только моя работа? — прикрикнул на подчиненного Савичев.

— Никак нет, — выпрямился Головин.

Окончательно записывать политрука в свои враги он не собирался. Такое противостояние ему ни к чему. В роте действительно одни литовцы и если он и послушает их щебетание, то не факт, что что-то поймет. Стукачом быть не хотелось, но если отказаться от сотрудничества, то прощай увольнительные. А если в воскресенье приедет Агнешка, то через Савичева можно будет решить вопрос о свидании с любимой.

— Я вас понял товарищ младший политрук, — дал свое согласие Головин.

— Вот и хорошо. Я надеюсь на твою политическую подкованность. О нашем разговоре никому не распространяйся. Можешь, идти.

Понятное дело, что о таком нельзя никому говорить. Так и «темную» получить можно. Едва он вошел в спальное помещение, как тут же появился Буткевичус.

— Чего это тебя «большой» вызывал?

— Интересовался, как я увольняшку получил. Сказал, что ротный подписал самолично. А что с Армонайте произошло? Савичев говорил, что арестовали его, — сказал Головин не всю правду своему товарищу.

— Арестовали не только его одного, а еще нескольких командиров, — поделился информацией Йонас. — Это не самое интересное. Пока ты в городе прохладился со своей дамой сердца, командира корпуса Винцаса Виткаускаса и его начальника штаба генерал-майора Чернюса отправили на курсы в Москву. На их место назначили какого-то Самохина и полковника Тищенко.

— Вот это да! — изумился Леонид. — Нашего комдива хоть оставили?

— Какой там! Поменяли на полковника Виноградова. Завтра строят дивизию для представления, — продолжал рассказывать о переменах сержант.

— Откуда ты все знаешь? — дивился Лёнька такой осведомленности своего товарища.

— У меня знакомые на узле связи имеются, да и писаря тоже. Они народ осведомленный, — остался Йонас довольный произведенным впечатлением.

— К чему эти все перестановки? — не понимал Головин причин таких рокировок.

— Не доверяют нам Советы. Боятся, что мы можем повернуть штыки. Сколько людей в Сибирь отправили? Думаешь, народ об этом забыл? — произнес Йонас, и его слова заставили Лёньку посмотреть на своего заместителя командира взвода со всем с другой стороны. Если

бы тот хорошо относился к Советской власти, то таким тоном говорить не стал. Выходило, что прав был Савичев насчет классовых врагов.

— Ты думаешь, мы бы на это были способны? — отождествил себя Леонид с врагами действующей власти, чтобы узнать мнение литовца о возможном мятеже.

— Это как обстоятельства сложатся. Патриотов в стране достаточно, а на границе немецкие войска стоят. Неизвестно, как оно все сложится, — допускал Буткевичус и такое развитие событий.

Вот тут Головину и стало страшно. Он вспомнил все эти посиделки литовцев. О чем они там говорили в своем кругу? А как относились к русским и белорусам, которые оказались по воле случая в 29 корпусе? Они здесь были словно чужие. Не для всех конечно, но для большинства, так точно.

— Это хорошо, что ты ничего политруку не сказал за увольнение. Теперь про это точно никто знать не будет. Раз у тебя все получилось, то давай сюда свои часики, — не забыл Йонас об условиях сделки. Пришлось расстаться с дорогой вещью, но поцелуй Агнешки, того стоил.

После воскресного представления нового командования, слухи, бродившие среди личного состава дивизии, приобрели реальное воплощение в жизнь. Дивизия со всем своим имуществом и вооружением передислоцировалась, в район населенного пункта Ораны, в летний тренировочный лагерь вблизи города Алитуса. Последние ее подразделения переехали в субботу 21 июня.

Глава 2

Леонид проснулся от какого-то необъяснимого чувства тревоги. Брезент армейской палатки хорошо пропускал звуки. Равномерный рокот нарастал с каждой минутой. Часовые, лениво перекликающиеся между собой, заволновались. Головин даже услышал, как заработали механизмы зенитного орудия, находившегося на боевом дежурстве. Он приподнялся с кровати и стал натягивать на себя штаны. Парни с соседних коек подняли головы, прислушиваясь к шуму. Лёнька успел накинуть на плечи китель, когда бабахнул первый взрыв и гул превратился в четкий рев пикирующих бомбардировщиков. Тявкнула зенитка, но ее выстрелы быстро заглушили последующие разрывы. Палатку качнуло. Бойцы испуганно спрыгивали с коек и даже не пытались натянуть штаны, бежали к выходу, толкая друг друга в спину. Брезент прошили насквозь несколько больших осколков и Головин, засунув руку в образовавшееся отверстие, разорвав материю, выбрался из палатки наружу. Самолеты, заходя каруселью над учебным лагерем, бомбами и пулеметными очередями уничтожали все, что можно. Люди в панике бежали во все стороны, забыв, кем они являлись. Горели палатки и транспортные средства, ржали перепуганные лошади и ухали зенитные орудия, пытаясь отбить воздушную атаку. Неразбериха и паника царили вокруг. Когда самолеты улетели, стали появляться командиры, пытающиеся привести в чувство перепуганных красноармейцев. Кроме стонов раненых и призывов о помощи, можно было уловить одно главное слово, война! Ее все ждали и к ней готовились, но она, как всегда, пришла в самый неожиданный момент. Парни понемногу приходили в себя, разыскивая в оставшихся целыми палатках свою одежду и вещи. Первоначальный шок проходил, и армейский механизм начинал набирать свои привычные обороты. Бойцам выдавали оружие вместе с запасом боеприпасов. Патроны теперь необходимы были не для учебных стрельб, а для настоящего боя. Командиры строили бойцов, чтобы выяснить настоящие потери и отдать соответствующие приказы. Возле машины связи появился и сам новый командир дивизии. К обеду дивизия выдвинулась на обозначенный командованием рубеж обороны, чтобы перекрыть шоссе, идущее от Алитуса и Меркине в сторону Вильнюса. Их роте была поставлена задача, окопаться на восточном берегу небольшой реки обозначенной на карте как Оранка, но среди местного населения бытовавшей под названием Варене. Леонид, отложив в сторону шинель, каску и вещевой мешок, принялся копать окопчик. Китель вспотел, и пришлось снять и его. Мимо прошел новый командир роты, и вскоре послышались его негодующие крики. Лейтенант кричал на красноармейцев, которые не проводили окапывание, а скорее имитировали его. Головин приостановил работу и посмотрел на правый фланг. Там то же самое. Бойцы игнорировали приказ командира и не приступали к подготовке позиций. На этом краю, от одной группы красноармейцев к другой, метался политрук с переводчиком, пытаясь образумить литовцев и заставить их подчиняться приказам ротного. На бруствер его, не докопанного окопчика, присел Антонас Петраускаус. Парнишка был из крестьянской семьи, но, несмотря на это сносно разговаривал на русском языке.

— Воду будешь? — протянул он Леониду свою флягу. — Сильно не старайся. Мы здесь не задержимся.

Головин сделал глоток и спросил: «Почему?»

— Они не хотят, — кивнул парень в сторону своих земляков. — Сегодня по радио прозвучало воззвание Фронта литовских активистов оказывать сопротивление коммунистам и переходить на сторону немецких войск. Они, наверняка, знают об этом. Мне кажется, что они дезертируют.

Головин даже не стал спрашивать откуда. Буткевичус сам говорил, что водит дружбу со связистами.

— Ты тоже с ними? — поинтересовался Лёнька. — Ты же литовец.

— Ты думаешь, всем литовцам хорошо жилось при старой власти? Я то и в армию пошел потому-что здесь одевают и кормят. Семья всю жизнь в наймах проработала, и хлеба досыта не ела. Советская власть пусть не накормила, но дала надежду. Обратно, я не хочу. О тебе тоже слышал. Сам из рабочих. Жил в Польше, пока Вильно нам не передали. Тоже видать хлебнул? — забрал обратно флягу Антонас.

— И что теперь делать будем? — Головина интересовала больше текущая ситуация, чем прошлая жизнь.

— Будем выжидать. Если у командира не получится их убедить, то побежим вместе со всеми. Ты держись рядом. Здесь есть парни из ФЛА, а они, таких как ты, не очень любят, — предупредил Головина Петраускас.

«Вот к кому надо было обращаться Савичеву» — подумал Леонид. «Этот знает куда больше, чем он сам и вдобавок сам литовец». Они остались у окопа Головина, наблюдая за тщетными потугами командиров восстановить дисциплину. Когда на шоссе появилась колонна отступающих из Алитуса войск, литовцы заволновались. Пятая танковая дивизия и 615 гаубичный полк отходили в сторону Вильнюса. Они по идее должны были прикрывать их маневр от фашистов, которые уже захватили Алитус. Когда по ним ударила артиллерия и появилась немецкая мотопехота, вся оборона посыпалась. Командованию чтобы сохранить боеспособность подразделения пришлось отдать приказ об отходе. Отход получился не совсем слаженный. Дружок Головина все-таки был прав, и часть красноармейцев стала разбегаться, кто куда мог.

— Стой! Назад! — орал командир и политрук, размахивая оружием. Но на литовцев их угрожающий вид воздействия не возымел. Когда с позиции уходит сначала отделение, а за ним и взвод, то пистолетом никого не остановить. Если бы политработник кого-нибудь застрелил, то был бы застрелен и сам. Оставив позицию, 184 дивизия отошла в район Олькининки. Немецкие части двигались по пятам отступающей Красной Армии, не давая ей время на передышки. Попав под огненный вал и натиск моторизованных частей врага, дивизия отступила к населенному пункту Валькининкай, где с другими частями РККА оказалась в окружении. В котле оказалась кроме их дивизии, еще и разрозненные батальоны 126 стрелковой дивизии, части пятой танковой, не успевшие по разным причинам передислоцироваться с основным составом дивизии. Кроме этого в окружение попали курсанты Вильнюсского пехотного училища, выступившие для защиты рубежей города. Сплошная каша из родов войск, для управления которой необходимо было единое командование. Роту Головина загнали в какую-то рощу. Немцы атаковали, и пришлось организовывать оборону. Ленька залег за березой и вел прицельный огонь по фигуркам фашистов бегущих в его сторону. Слева от него заработал станковый пулемет, и гитлеровцы поспешили ретироваться восвояси. Леонид присел возле березы, опираясь спиной о ствол, чтобы снять напряжение боя. Вот тут и появился младший политрук, который по возможности собирал возле себя бойцов, чтобы довести до них свежую информацию о положении дел, приободрить и попытаться поднять боевой дух. Едва он переместился вглубь рощи, как следом пришла группа литовцев, среди которых Леонид заметил бойца, в петлицах которого красовалась эмблема связиста. Они тоже о чем-то толковали с красноармейцами и те выражали гораздо больше эмоций, чем в общении с политическим работником. Рядом присел его новый знакомый Антонас. Он опасливо покосился в сторону противника. Немцы пока никакой активности не проявляли.

— В Каунасе мятеж. Националисты захватили город и объявили о создании временного правительства Литовского государства, — поделился он нехорошей новостью.

— Откуда ты это все знаешь? — не переставал удивляться Головин.

— Связиста видишь? Это он слушает эфир, а потом баламутит парней.

— Второй день войны, а мы уже потеряли Каунас, — не мог поверить в такое Леонид. — Как такое могло произойти?

— Ты меня спрашиваешь? Сам не видел, сколько подбитой техники стоит на дороге. У них армия подготовленная, не то, что наша. Танки старье. Видел сам наши «Викерсы». Их по хорошему, списать надо было. Что от них проку? Все в Олькиники и остались. Даже в бою не побывали. То горючего нет, то запасных частей. Нас, как в мешке закрыли. Где командование? Где части? — возмущался Петраускаус. — Как из окружения выходить будем?

— Не нам решать. На это есть комдив Виноградов со штабом. Пусть они думают, — ответил Головин. — Вырвемся. Не сдаваться же?

На этот вопрос литовец ничего не ответил. Завыла мина, и парни упали на землю. Бабах! Еще одна прилетела. Засвистели осколки и полетели во все стороны комья земли. Леонид автоматически натянул на голову немецкую каску образца первой мировой войны, которая использовалась бойцами 29 Литовского территориального стрелкового корпуса наряду с формой литовской армии. Фашисты после минометного обстрела снова пошли в атаку, но теперь при поддержке танков. Головин прицелился. Выстрел. Передернул затвор своего немецкого «Маузера». Снова выстрел. Присматриваться за попаданиями было некогда. Снова нажал на спусковой крючок. В ответ прилетела пулеметная очередь из танка. Он прижал голову к земле. Пули подняли фонтанчики земли совсем рядом с их позицией. Цепь немецких солдат все ближе и ближе. Станковый «Махін» захлебнулся и умолк. Сосед слева вскочил на ноги и, пригибаясь, побежал вглубь рощи. Потом еще один красноармеец дал слабинку. Выстрел противотанковой пушки почти был не слышен из-за лязга гусениц бронированных машин. Вздвигавшаяся от разрыва земля, обозначила попадание орудия. Мимо! Но, радует то, что пехота не осталась один на один с танками. Второй выстрел и Pz 38 (t) остановился и задымил. Оставшиеся танки подвернули, пытаясь найти батарею, которая вела по ним огонь. Со стороны позиций 262 стрелкового полка, в котором служил Головин, заработало сразу несколько легких чешских пулемета. Пехота противника залегла. После того, как на поле боя закоптил еще один танк, бронированные машины стали отползать к своим позициям. За ними потянулись и солдаты врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.